

ком. В зрелом возрасте обман по умолчанию перестает восприниматься субъектом как обман независимо от степени близости с обманываемым. В отличие от детского возраста, где макиавеллизм в большей степени является когнитивным маркером понимания модели психического другого и возможностей манипуляции с ним, макиавеллизм взрослых становится не столько когнитивным показателем, сколько личностной характеристикой.

7. Изучение модели психического в пожилом и старческом возрасте (55–90 лет) показало снижение как эмоциональной, так и когнитивной составляющих. Пожилые и особенно старые люди хуже распознают негативные и нейтральные эмоции, что характерно и для детей 3–4 лет. Понимание обмана и особенно иронии существенно снижается с возрастом. Это вызывает трудности в социальных ориентациях и адаптации пожилых и старых людей.

Наши исследования продемонстрировали особенности развития модели психического на

разных этапах онтогенеза человека, от раннего возраста до глубокой старости, объясняя возможности и ограничения социальных взаимодействий.

Выполнено при поддержке РФФИ, грант № 14–06–00025

Колесникова Н.И., Сергиенко Е.А. 2010. Личностные аспекты понимания психического у взрослых // Психологические исследования. 6(14) 4. <http://psystudy.ru>.

Мелехин А.И. 2015. Модель психического (theory of mind) при нормальном старении // Социальная психология и общество, 6, 1, 139–150.

Сергиенко Е.И., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. 2009. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И. 2013. Телевизионная реклама и дети. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Уланова А.Ю., Сергиенко Е.А. 2015. Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология, 8, 1, 60–72.

Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience 2013. Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H., Lombardo M. V. (Eds.). Oxford: Oxford University Press.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ

Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова,

Е. А. Хлевная, Т. С. Киселева

elenas13@mail.ru, stranavetra@gmail.com,

elankha@yandex.ru, kiseleva@mc-ktk.ru

Институт психологии РАН, РЭУ им.

Г. В. Плеханова, МЦ КТК (Москва)

По результатам расширенной стандартизации русскоязычной версии методики для измерения эмоционального интеллекта MSCEIT (Mayer, Salovey, Caruso 2002, Сергиенко, Ветрова 2010) на выборке в 3827 респондентов были выявлены «проблемные точки» использования данной методики на русскоязычной выборке. Методика показала низкие результаты надежности в области, отвечающей за понимание и анализ эмоций. Фактически 2 блока заданий, направленных на измерение способности к пониманию эмоций, их соотношения, взаимопереходов, а также в области синестезии, то есть измерения способности к соотношению ощущений разной модальности с эмоциями, показали уровень надежности Альфы Кронбаха ниже допустимых норм. Тем не менее, факторный и структурный анализ показал хорошую пригодность модели эмоционального интеллекта, лежащей в основе данного теста, в виде двухкомпонентного образования, состоящего из Опытного (основанного на опыте) и Стратегического доменов. Также была показана незначительная разница в результатах

методики при проведении ее в виде бланкового или компьютерного тестирования. Выявленные половые и возрастные различия показали большую чувствительность русскоязычной версии методики MSCEIT к этим демографическим характеристикам по сравнению с англоязычной версией. Показано, что женщины превосходят мужчин во всех областях эмоционального интеллекта в возрасте до 40 лет, и в возрасте старше 40 лет — в области Опытного домена эмоционального интеллекта. Наиболее заметный рост уровня эмоционального интеллекта приходится на возрастной диапазон от 20 к 40 годам, как у мужчин, так и у женщин, а после 50 лет наблюдается спад эмоционального интеллекта в области Стратегического домена.

Еще на этапе перевода текста теста были выявлены ограничения, которые накладывает процедура перевода и обратного перевода. Для адекватного обратного перевода пришлось использовать некоторые названия эмоций, которые лучше подходили лингвистически, а не логически по контексту. Часть названий эмоций была заменена чувствами. Часть текстовых заданий, по отзывам испытуемых, не совсем понятна и близка русскоязычной культуре. Вызывает нарекания и стимульный материал в части теста, посвященного идентификации эмоций на фотографиях людей и в абстрактных картинах. Тем не менее, методика Дж. Мейера, П. Сэловея

и Д. Карузо MSCEIT в отличие от опросниковых методов, обладает другой степенью надежности в интерпретации и анализе результатов, особенно если учесть наличие в данном тесте и вербальных, и невербальных заданий. Особенно большой привлекательностью обладает данный тест в исследовательской работе, поскольку разнообразие заданий, построенных на четкой концептуальной основе, позволяет использовать его как методический инструмент для широкого круга психологических задач.

По обобщенным результатам перевода, адаптации и стандартизации методики MSCEIT V2.0 было принято решение создать собственный русскоязычный тест эмоционального интеллекта. В качестве теоретического основания новой методики была использована концепция эмоционального интеллекта Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо, лежащая в основе методики MSCEIT (Mayer, Salovey, Caruso 2004), и психоэволюционную теорию эмоций Р. Плутчика (Plutchik 1980). Согласно фундаментальным положениям теории, предлагаемой американским психологом Р. Плутчиком, эмоции: 1) являются механизмами коммуникации и выживания, основанными на эволюционной адаптации; 2) имеют генетическую основу; 3) являются гипотетическими построениями, основанными на очевидных явлениях различных классов; 4) представляют собой цепи событий со стабилизирующими обратными связями, которые создают некий тип поведенческого гомеостаза; 5) соотносятся между собой по трем основным измерениям — интенсивности, сходству и полярности; 6) соотносятся с рядом производных концептуальных областей. Согласно этой модели, отношения между эмоциями могут быть представлены в виде трехмерной структурной модели: интенсивность-сходство-полярность. Это положение также включает идею о существовании первичных и производных или смешанных эмоций. Например, гордость = гнев + радость; любовь = радость + принятие; любопытство = удивление + принятие; ненависть = гнев + удивление; презрение = гнев + отвращение; разочарование = удивление + горе; жалость = горе + отвращение и др. Сочетание двух теорий позволило нам создать непротиворечивую концепцию новой методики. Сам тест строился по образу и подобию MSCEIT с рядом обоснованных изменений. Так, в разделах, посвященных идентификации эмоций (по лицам изображенных людей и в абстрактных картинах), мы создали собственный стимульный материал. Для фото отбирались обычные люди, не актеры, и для них создавались стимульные ситуации,

способные вызвать одну из базовых эмоций по Р. Плутчику. Для оценки эмоций в художественных произведениях были отобраны картины живописцев конца 19 — начала 20 века. В заданиях, содержащих нарративы, были описаны ситуации более близкие русскоязычной культуре. Все истории относятся к 4-м базовым областям эмоционального взаимодействия: 1) карьера и успешность в работе (взаимодействие с коллегами, разноуровневые взаимодействия, корпоративные мероприятия); 2) близкие отношения (семья, дети и друзья); 3) взаимодействие в социуме (умение наладить общение, войти в социум, взаимодействие на улице); 4) разрешение конфликтов (с коллегами, в семье, в социуме). Помимо 8 основных разделов, направленных на измерение способностей по 4-м ветвям эмоционального интеллекта, мы включили еще один раздел, направленный на измерение способностей в области эмоционального интеллекта сразу по 2-м ветвям: идентификация эмоций и понимание эмоций. Предполагается, что это позволит оценить уровень связанности отдельных ветвей эмоционального интеллекта и степень их взаимовлияния. Подсчет баллов по ключам строится так же, как в методике MSCEIT: на основе консенсусной оценки по популяции вычисляется «вес» каждого ответа. Поскольку при использовании MSCEIT (как англоязычного, так и русскоязычного варианта) показано отсутствие кардинальных различий при тестировании с помощью бланковой или электронной версии, новая методика создается для электронного использования, с приоритетом на интернет-тестирование. В пилотажной версии нового теста содержалось 344 вопроса, заполнение его могло занять у испытуемого от 40 до 100 минут. По результатам пилотажного тестирования (N=380 человека) часть вопросов отсеялась, при сохранении структуры разделов осталось 182 вопроса, ведется набор основной выборки.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что разрабатываемый тест, хотя и является достаточно трудоемким, но отвечает задачам исследования целостных эмоциональных адаптивных способностей, отражающих индивидуальные предпочтения эмоциональной регуляции именно в русскоязычной культуре. Поскольку данный тест будет использоваться наряду с другими методами оценки эмоциональной регуляции, то такое его применение, вероятно, позволяет более корректно оценить возможности теста и его ограничения.

Работа выполнена по Государственному заданию
ФАНО РФ № 0159–2016–0006

Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. 2010. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT. V. 2.0). Русскоязычная версия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Mayer J. D., Salovey, P., Caruso D. R. 2002. Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence. Intelligence Test (MSCEIT) User's Manual. Toronto, Canada: MHS Publishers.

Mayer J., Salovey P., Caruso D. 2004. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications. // *Psychological Inquiry* 15, 197–215.

Plutchik, R. 1980. A general psychoevolutionary theory of emotion In: R. Plutchik, H. Kellerman (eds.) *Emotion: Theory, research, and experience*. Vol. 1. New York: Academic, 3–33.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПСИХИКИ

А. Н. Серков, Д. С. Бережной

berezhnoy.daniil@google.com

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Установление системы взаимоотношений между двумя принципиальными категориями — объективной реальностью и ее субъективным отражением — является общей целью философии познания, нейробиологии, психологии и других когнитивных наук (Дубровский 1971). Однако в настоящее время наблюдается отход от решения этой сложной проблемы, что порождает ряд неразрешимых вопросов: проблемы «объяснительного разрыва», природы квалитативных ощущений, сознания и т. д. (Levine 1983, Fodor 1998).

В то же время еще в рамках психологической теории деятельности (Леонтьев 1959) категории психики придавалось ключевое значение в качестве основной причины поведения человека и животных. Психика определяется Леонтьевым как «способность (живых организмов) отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность». Несмотря на то, что подобное определение противопоставлено классическому пониманию психики как субъективной феноменальной действительности, исходный, заимствованный из марксизма, посыл данного направления о «психике как свойстве высокоорганизованной материи» не позволил однозначно ответить на вопрос взаимосвязи нейроанатомического субстрата психики и ее содержания.

В основе объективного физиологического анализа психики, основанного на изучении функционирования центральной нервной системы, лежит положение, высказанное еще И. М. Сеченовым, что все психические процессы имеют основания, берущие начало во внешней по отношению к организму среде, и, тем самым, имеют адекватное объективной действительности, приспособительное значение (Сеченов 2001). Однако дальнейшее разви-

тие рефлекторного подхода привело к подмене задачи психики с субъективного представления реальности на решение задачи адекватной двигательной координации и сведение психики и мышления до промежуточного звена в структуре рефлекса. Последнее привело к окончательному отказу от значимости категории субъективного начала психики. Таким образом, для установления значимости категории психики как субъективного представления объективной действительности требуется нахождение четких логических обоснований ее возникновения в процессе эволюции.

Каждый организм в процессе своей жизнедеятельности постоянно оказывается в ситуациях, напрямую или косвенно связанных с его дальнейшим выживанием, т. е. в условиях объективной проблемной ситуации, исход которой, как правило, зависит от активных действий организма. Увеличение сложности биологической организации (в первую очередь двигательной), наблюдаемое в ходе эволюции, увеличивает число возможных способов решения проблемной ситуации и, таким образом, увеличивает вероятность выживания организма. Однако увеличение сложности биологической организации ставит задачу построения наборов эффективных координаций и выбора из этого набора наиболее адекватной в условиях сложившейся проблемной ситуации. Нервная система является субстратом, на котором происходит решение задачи построения и выбора такой координации, что наиболее ярко иллюстрируется данными, полученными на беспозвоночных животных (Сахаров 2012). На ранних этапах филогенетического развития число координаций (целостных двигательных ответов) ограничено, поэтому задача выбора наиболее адекватного ответа в текущей проблемной ситуации может быть решена перебором. Однако, учитывая многообразие и сложность проблемных ситуаций, с которыми сталкивается организм, а также высокую цену ошибки, построение наиболее эффективной координации каждым